

© 2004 г.

3. БАУМАН

ВОЗВЫШЕНИЕ И УПАДОК ТРУДА

БАУМАН Зигмунт - почетный профессор университета г. Лидса (Великобритания).

Согласно Оксфордскому словарю английского языка, впервые слово "труд" (labour) было употреблено в 1776 г. для обозначения "физического усилия, направленного на удовлетворение материальных потребностей сообщества". Сто лет спустя этим же словом стали характеризовать "всю совокупность работников и операторов, принимающих участие в производстве", а вскоре профсоюзы и подобные им организации связали воедино оба значения слова "labour" и в конце концов придали ему политическое звучание. Применение этого слова в английском языке примечательно тем, что острояет внимание на тесной связи - по сути дела, на слиянии и тождестве судеб - между трудом (work), понимаемым как "физические и умственные усилия", самоорганизацией трудящихся в единый класс и политикой, основанной на этой самоорганизации. Иными словами, [возникает] связь между трактовкой физического труда как главного источника богатства, идеей общественного благосостояния и самоутверждением рабочего движения. Вместе они возвысились, вместе они и пали.

Большинство специалистов по экономической истории согласно с тем (см., например, недавнее резюме Пола Байрока относительно их выводов: [1]), что по уровню доходов различные цивилизации на пике своего могущества мало чем отличались друг от друга: богатства Рима в I веке, Китая в XI и Индии в XVII были сопоставимы с богатствами Европы в канун промышленной революции. По некоторым оценкам, доход на душу населения в Западной Европе в XVIII веке не более чем на 30% превосходил аналогичный показатель в Индии, Африке или Китае тех времен. Однако немногим более столетия оказалось достаточно, чтобы до неузнаваемости изменить это соотношение. К 1870 г. доход на душу населения в индустриальной Европе был в 11 раз выше, чем в беднейших странах мира. На протяжении следующих ста лет (или около того) это превышение выросло еще в пять раз и достигло 50 к 1995 г. Как отмечал экономист из Сорбонны Даниэль Коэн, "я осмелюсь утверждать, что феномен 'неравенства' между странами имеет недавнее происхождение; он есть продукт последних двух столетий" [2]. Тот же возраст имеет и идея труда как источника богатства, равно как и политические движения, порожденные и руководствующиеся таким предположением.

Новое глобальное неравенство, новое чувство уверенности в себе и следующее за ним ощущение превосходства были столь же масштабны, сколь и беспрецедентны: для их восприятия и осмысления понадобились новые понятия и новые концептуаль-

От редакции: Публикуемый материал - глава из книги З. Баумана "Индивидуализированное общество". Редакция благодарит автора, а также редактора перевода с английского языка В. Иноземцева за разрешение на публикацию данного материала.

ные рамки. Такие понятия были предложены экономической наукой, пришедшей на смену физиократическим и меркантилистским идеям, сопровождавшим Европу на пути к новой фазе ее истории, вплоть до самого порога промышленной революции. Не случайно эти новые подходы появились в Шотландии, стране, находившейся одновременно как внутри, так и снаружи основных направлений промышленного подъема, одновременно и вовлеченной в этот подъем, и отстраненной от него, физически и психологически находившейся близко к государству, ставшему эпицентром возникающего индустриального порядка, но до поры до времени удаленной от его экономического и культурного воздействия. Тенденции, формирующиеся "в центре", как правило, лучше всего улавливаются и наиболее четко проявляются "на флангах". Находиться несколько в стороне от цивилизационного центра - значит оставаться достаточно близко, чтобы четко видеть происходящее, но при этом быть настолько далеко, чтобы "объективизировать" его и тем самым накапливать восприятия, превращая их в представления. Потому вряд ли можно считать простым совпадением, что именно из Шотландии пришла весть: богатство порождено трудом (*work*), и именно труд (*labour*) является основным, а быть может, даже единственным его источником.

Как много лет спустя отметил Карл Поланьи, обновив прозрение Карла Маркса, исходной точкой "великой трансформации", породившей новый индустриальный порядок, было отделение работников от средств их существования. Это примечательное событие являлось частью более масштабного разъединения: производство и обмен уже не могли быть вписаны в более общий, по сути, всеобъемлющий образ жизни, и тем самым труд (так же как земля и деньги) мог рассматриваться всего лишь как товар и претендовать на аналогичное к себе отношение [3]. Можно сказать, что именно это новое разъединение, которое придало мобильность способности к труду, обеспечило свободу в выборе мест ее применения (а тем самым и поиска *лучшего* ее использования), позволило людям вступать в различные рекомбинации, открыло перед ними возможность стать одной из сторон определенных соглашений (а тем самым и *лучших* соглашений), и все это позволило напряжениям тела и разума превратиться в самостоятельный феномен, в "вещь", к которой можно относиться как к любой другой вещи, то есть управлять ею, передвигать, соединять с другими вещами либо, наоборот, дробить на части.

Не случись такого разъединения, труд имел бы мало шансов отделиться в человеческом сознании от той "всеобщности", к которой он "естественно" принадлежал, и превратиться в самостоятельный объект. В рамках доиндустриального взгляда на богатство земля была именно такой всеобщностью - неотделимой от тех, кто обрабатывал ее и собирал с нее урожай. Новый индустриальный порядок, как и концептуальные построения, предполагавшие возможность возникновения в будущем индустриального общества, были рождены в Англии; именно Англия, в отличие от своих европейских соседей, разоряла свое крестьянство, а вместе с ним разрушала и "естественную" связь между землей, человеческими усилиями и богатством. Людей, обрабатывающих землю, сначала необходимо упразднить, чтобы затем их можно было рассматривать как носителей готовой к использованию "рабочей силы", а саму эту силу - по праву считать потенциальным источником богатства.

Эта новоявленная безработица была воспринята современниками как освобождение труда, как неотъемлемая часть радостного чувства освобождения человеческих способностей в целом от досадных и бессмысленных оков, равно как и от естественной инертности. Но освобождение труда от его связей с природой не сделало этот "освобожденный труд" самоопределяющимся, свободным выбирать свой путь и следовать им. Лишенный корней и способности функционировать прежний самовоспроизводящийся "традиционный образ жизни", частью которого был и труд до его освобождения, должен был замениться иным порядком, на этот раз predeterminedным, "построенным"; этот порядок был теперь не результатом слепых блужданий судьбы и ошибок истории, а продуктом рациональных мыслей и действий. Поскольку было

установлено, что труд является источником богатства, задачей разума стало найти, высвободить и использовать этот источник с невиданной прежде эффективностью.

Некоторые комментаторы, вроде Карла Маркса, вдохновленные бодростью духа нового века, усмотрели причину устранения старого порядка прежде в его умышленном минировании: взорвались мины, изготовленные капиталом, приверженным разрушению основ и осквернению святынь. Другие, вроде Токвиля, более скептические и менее вдохновленные, сочли это устранение результатом скорее внутреннего краха, чем внешнего взрыва: они усмотрели семена обреченности в самой сердцевине "старого режима" (которые всегда легче обнаружить или предположить ретроспективно), разглядели суматоху новых хозяев, которые, как это обычно бывает, лишь пинали труп и были заняты не более чем придумыванием новых, более совершенных форм для тех же чудесных снадобий, которые старый порядок опробовал в отчаянной, но тщетной попытке оттянуть собственную кончину. Разногласия относительно перспектив нового режима и намерений его хозяев были невелики: старый, почивший в бозе порядок уступил место новому, менее уязвимому и более жизнеспособному, нежели его предтеча, - следовало заложить и построить новые устои, заполняющие пустоту на месте исчезнувших. Все сорвавшиеся с места объекты должны были быть вновь закреплены, причем более надежно, чем прежде. Выражаясь на современном жаргоне, все, что успели "раскучорить", надо было быстрее вернуть и упрочить. Разрывая старые связи внутри локальных сообществ, объявляя войну прежним привычкам и устоявшимся правилам, раздирая в клочья временную власть (*les pouvoirs intermédiaires*), [люди] столкнулись в итоге с пьянящей горячкой "новых начинаний". Растекшаяся действительность казалась готовой, чтобы направить ее в новые русла и разместить в новых сосудах, придать ей такие формы, каких она никогда бы не обрела, будь ей позволено течь по ею самой проложенным руслам. Никакая, даже самая амбициозная, цель не казалась неподвластной человеческой способности думать, открывать, изобретать, планировать и действовать. Если от счастливого общества - общества счастливых - людей отделял еще не один поворот, несомненное его приближение уже предчувствовалось в чертежах мыслителей, а набросанные ими контуры обретали плоть, проходя через кабинеты "людей действия". Целью же, которой и люди мысли, и люди действия в равной мере отдавали свои силы, было построение нового порядка. Заново открытую свободу надлежало поставить на службу организованной рутине завтрашнего дня. Ничего нельзя было пускать на самотек, по неустойчивому и непредсказуемому пути, чреватому катастрофами и непредвиденностями; ничего не следовало оставлять в прежнем виде, если можно было улучшить, сделать более полезным и эффективным.

Этот новый порядок, при котором все нити, на некоторое, пусть и недолгое время оказавшиеся разорванными, надлежало связать вновь, а бездомным бродягам - жертвам прежних катастроф, оказавшимся один на один с обстоятельствами или плывущим по течению, - дать новую почву под ногами, этот порядок обречен был стать основательным, надежным и долговечным. Большое было прекрасным, большое было рациональным; "большое" было символом силы, амбиций и мужества. Строительная площадка нового, индустриального порядка надменно покрывалась памятниками, отлитыми в металле и закрепленными в бетоне; памятниками, которые не были нерушимыми, но были призваны выглядеть таковыми; сюда можно отнести гигантские фабрики, заполненные "под завязку" огромными машинами и толпами обслуживающих их людей, или широкую и плотную сеть каналов, мостов и железнодорожных путей, утыканых станциями, соперничавшими с культовыми сооружениями древности.

Генри Форд известен заявлением, что "история - это вздор" и "мы не приветствуем традиций". "Мы хотим, - говорит он, - жить в настоящем, и единственная история, которая хоть что-то значит, - это та, которую мы делаем в данный момент" [4]. Тот же Генри Форд однажды удвоил зарплату своим рабочим, объяснив это стремлением к тому, чтобы его работники покупали производимые им автомобили. Это, конечно, было сказано не без лукавства: машины, приобретаемые рабочими фордовских заво-

дов, составляли малую толику общего объема продаж, в то время как удвоение заработной платы тяжелым бременем ложилось на производственные издержки. Подлинной причиной этого нетрадиционного шага было стремление Форда снизить раздражающе высокий уровень текучести рабочей силы. Ему хотелось привязать своих работников к предприятиям компании раз и навсегда, заставить деньги, вложенные в подготовку и обучение кадров, давать отдачу снова и снова, на протяжении всей трудовой жизни его рабочих. Для достижения такого результата Форду необходимо было остановить текучесть персонала. Он должен был сделать работников столь же зависимыми от занятости на его фабрике, сколь его собственные богатство и власть зависели от их эксплуатации.

Форд во весь голос высказал то, что другие произносили лишь шепотом; или, точнее, он сказал то, что другие в подобной ситуации лишь чувствовали, но не артикулировали столь многословно. Использование имени Форда для обозначения универсальной модели намерений и действий, типичных для "тяжелой модернити" или "ортодоксального капитализма", имело веские причины. Предложенная им модель нового, рационального порядка определила горизонты всеобщей тенденции своего времени: именно они оказались той линией, которой все или, по крайней мере, большинство предпринимателей с большим или меньшим успехом пыталось достичь в ту пору. Идеальным вариантом было связать капитал и труд в союз, который, подобно заключаемому на небесах браку, никто из людей не был бы в силах разрушить.

Эпоха "тяжелой модернити" действительно была временем помолвки между капиталом и трудом, подкрепленной их взаимной зависимостью. Рабочие зависели от своего труда, который давал им средства к существованию, тогда как капитал зависел от найма работников, без которых он не мог воспроизводиться и возрастать. Место их встречи было вполне определенным; ни одна из сторон не могла легко перемещаться, и массивные фабричные стены заключили обоих партнеров в общую для них тюрьму. Капитал и рабочие были едины, можно сказать, в богатстве и бедности, в здоровье и недугах, едины до тех пор, пока не разлучит их смерть. Завод был их общим прибежищем - в одно и то же время полем боя в окопной войне и привычным домом для надежд и мечтаний.

Чтобы оба они, труд и капитал, могли выжить, каждый нуждался в сохранении товарной формы: владельцам капитала следовало поддерживать способность постоянно покупать труд, а владельцам труда - быть всегда в должной форме, в добром здравии, силе и с иных точек зрения всячески привлекательными, дабы не отпугнуть потенциальных покупателей. Каждая из сторон имеет четкие интересы в том, чтобы другая оставалась в хорошей форме. Немудрено, что поддержание кондиций капитала и труда стало важнейшей функцией и основной заботой политиков и государства: безработные были в полном смысле слова "резервной армией труда", бойцы которой всегда должны были содержаться в состоянии готовности, быть ни жирными, ни худыми - на случай призыва на действительную службу. Государство благосостояния, государство, склонное поступать именно так, находилось по этой причине поистине за пределами разделения на левых и правых: оно служило некоей опоркой, без которой ни капитал, ни труд не могли выжить, не говоря уже о том, чтобы передвигаться и действовать.

Некоторые рассматривали "государство благосостояния" как временную меру, которая изживет себя сама, - как только коллективная страховка от невзгод сделает застрахованных достаточно обеспеченными и уверенными в себе, чтобы в полной мере пользоваться собственным потенциалом. Более скептически настроенные наблюдатели рассматривали его как коллективно финансируемую и направляемую операцию, обреченную продолжаться до тех пор, пока капиталистическое предприятие будет генерировать социальные отбросы, для переработки которых у него нет ни желания, ни достаточных средств, то есть еще очень и очень долго. Однако при этом имелось согласие в том, что государство благосостояния представляет собой приспособление для устранения аномалий, предотвращения нарушения норм и ликвидации

последствии таковых, если они все же случаются; самой же нормой, едва ли когда-то подвергавшейся сомнению, было прямое, личное и обоюдное взаимодействие капитала и труда, разрешение всех важных и болезненных социальных проблем именно в рамках такого взаимодействия.

Получая свою первую работу на фабриках Форда, молодой подмастерье мог быть вполне уверен, что завершит свою трудовую биографию на том же самом месте. Временные горизонты эры "тяжелой модернити" были долгосрочными. Для рабочих эти горизонты были обозначены перспективой пожизненной занятости в компании, которая может и не быть бессмертной, но продолжительность жизни которой распространяется далеко за пределы срока, отпущенного ее работникам. Для капиталистов "семейное богатство", заведомо полагаемое гораздо более долговечным, чем любой отдельно взятый член семьи, отождествлялось с предприятиями - унаследованными, только что построенными либо лишь замышляемыми.

Короче говоря, менталитет, ориентированный на достижение "долгосрочных" целей, основан на ожиданиях, вытекающих из опыта, в полной мере подтверждающего, что судьбы людей, покупающих и, соответственно, продающих труд, будут тесно и неразрывно переплетены в дальнейшем практически всегда, и поэтому выработка удовлетворительной модели сосуществования столь же отвечает общим интересам, как и переговоры о правилах добрососедства между домовладельцами в одном и том же поместье. Как показал Ричард Сеннетт в своем недавнем исследовании [5], даже обезличенные повременные графики, люто ненавидимые вчерашними свободными ремесленниками, толпами рекрутировавшимися на первые капиталистические фабрики, и столь живо описанные Е.П. Томпсоном, как и их более поздние, "обновленные и улучшенные" версии типа печально знаменитого хронометража Фредерика Тейлора, - все эти акты "репрессии и подчинения, практикуемые менеджерами ради роста гигантской индустриальной организации", "превратились в арену, где рабочие могли выдвигать свои собственные требования, в средство повышения их возможностей". Сеннетт заключает: "Рутин может унижать, но она способна и защищать; она может разделять труд на эпизоды, но в то же время из нее может складываться жизнь". До тех пор пока пребывание одних и других в единой компании предполагалось долгим, правила подобного общения оставались в центре напряженных переговоров, иногда приводивших к столкновениям и разрыву отношений, иногда - к перемирию и компромиссам. Профсоюзы сделали бессилие отдельных рабочих коллективной силой и повели борьбу за превращение инструкций, обезоруживающих рабочих, в инструмент обеспечения их прав, ограничивающих свободу маневра предпринимателей.

Сегодня ситуация меняется, и важнейшим элементом этой перемены становится приход новой, "краткосрочной" ментальности на смену "долгосрочной". Браки, заключаемые "до тех пор, пока не разлучит нас смерть", ныне стали редкостью: партнеры уже не предполагают долго составлять друг другу общество. Согласно последним подсчетам, молодого американца или американку со средним уровнем образования в течение их трудовой жизни ожидают по меньшей мере одиннадцать перемен рабочих мест, и эти ожидания смены точек приложения своих способностей наверняка будут нарастать, прежде чем завершится трудовая жизнь нынешнего поколения. Лозунгом дня стала "гибкость", что применительно к рынку труда означает конец трудовой деятельности в известном и привычном для нас виде, переход к работе по краткосрочным, сиюминутным контрактам либо вообще без таковых, к работе без всяких оговоренных гарантий, но лишь до "очередного уведомления". Сообщая о результатах проводившегося в Голландии всестороннего исследования, посвященного изменяющемуся значению труда, Геерт ван дер Лаан замечает, что работа стала относиться к классу высоких, едва ли не спортивных достижений, практически недоступных для большинства людей средних способностей, ищущих им приложения; а спорт, как известно, имеет ныне тенденцию утрачивать характер популярного времяпрепровождения и превращается в конкурентное элитарное занятие, предполагающее большие

денежные ставки. "Та незначительная часть населения, которая имеет работу, трудится весьма упорно и эффективно, в то время как остальные стоят на обочине, не будучи в состоянии поспевать за темпами производства" [6] - и, добавим от себя, в силу того, что сам способ трудовой деятельности оставляет все меньше и меньше места для их квалификации. Трудовая жизнь насыщается неопределенностью.

Можно, конечно, сказать, что ничего особенно нового в этой ситуации нет, что трудовая жизнь полна неопределенностей с незапамятных времен; между тем современная неопределенность представляет собой неопределенность совершенно нового вида. Перспективы катастрофы, вызывающие страх и вносящие хаос в чьи-то жизни, сегодня отнюдь не такие, чтобы от них можно было отмахнуться и чтобы им можно было успешно противостоять вплоть до полного преодоления, предпринимая при этом совместные усилия, занимая единую позицию, коллективно обсуждая, приходя к согласию и принимая необходимые меры. Самые страшные бедствия приходят ныне неожиданно, выбирая жертв по странной логике либо вовсе без нее, удары сыплются словно по чьему-то неведомому капризу, так что невозможно узнать, кто обречен, а кто спасается. Неопределенность наших дней является могущественной индивидуализирующей силой. Она разделяет, вместо того чтобы объединять, и поскольку невозможно сказать, кто может выйти вперед в этой ситуации, идея "общности интересов" оказывается все более туманной, а в конце концов - даже непостижимой. Сегодняшние страхи, беспокойства и печали устроены так, что страдать приходится в одиночку. Они не добавляются к другим, не аккумулируются в "общее дело", не имеют "естественного адреса". Это лишает позицию солидарности ее прежнего статуса рациональной тактики и предполагает жизненную стратегию, совершенно отличную от той, что вела к созданию организаций, воинственно защищавших права рабочего класса.

В условиях, когда занятость становится краткосрочной, лишается четких перспектив (не говоря уж о гарантированных) и тем самым превращается в эпизодическую, когда фактически все правила, касающиеся игры в карьерное продвижение или увольнения, отменяются либо имеют тенденцию изменяться задолго до окончания игры, остается мало шансов для укоренения и укрепления взаимной лояльности и солидарности. В отличие от времен, отмеченных долгосрочной взаимозависимостью, сегодня едва ли существует стимул для серьезного, тем более критического интереса к изучению договоренностей, которые все равно окажутся временными. Место работы воспринимается как своего рода кемпинг, где человек останавливается на несколько ночей и который можно покинуть в любой момент, если не предоставлены обещанные удобства или предоставленные вдруг разонравились, а не как общий дом, где каждый обязан взять на себя труд по выработке приемлемых правил взаимодействия. Марк Грэнветтер отметил, что наше время является эпохой "слабых связей", а Сеннетт предположил, что "быстро исчезающие формы сотрудничества более полезны для людей, чем долгосрочные связи" [7].

Нынешняя растекающаяся, подвижная, разделенная, разобщенная и дерегулированная версия модернистской еще не предполагает развода и окончательного разрыва отношений, но она определенно предсказывает *взаимное разъединение* капитала и труда. Можно сказать, что это судьбоносное отступление копирует переход от брака к сожителю со всеми его следствиями, наиболее существенными среди которых предположение о временности связи и право на ее разрыв по мере исчезновения нужды или желания. Если совместное появление и существование были следствием взаимной зависимости, то разъединение является односторонним: каждая из сторон конфигурации получает автономию, на которую раньше не было даже намеков. В масштабах, никогда не достигавшихся лендлордами прежних времен, капитал упразднил свою зависимость от труда посредством новой свободы передвижения, о которой раньше не приходилось и мечтать. Его воспроизводство и рост стали по большому счету независимыми от длительности того или иного локализованного соглашения с трудом.

Подобная независимость, разумеется, еще не является полной, и капитал пока не так свободен, каким он хочет и пытается быть. Территориальные, т.е. локальные, факторы все еще должны приниматься во внимание в большинстве расчетов, а "вредные полномочия" местных правительств до сих пор способны порождать досадные ограничения этой свободы. Но капитал уже в беспрецедентной степени стал экстерриториальным, невесомым, компактным и неприкованным к одному месту, а достигнутый им уровень пространственной мобильности вполне достаточен для шантажа привязанных к определенной местности политических институтов с целью заставить их отказаться от выдвигаемых претензий. Угроза капитала порвать местные связи и сняться с насиженного места (пусть даже не выраженная в словах, но лишь просто угадываемая) представляет собой нечто такое, с чем любое ответственное правительство должно всерьез считаться и корректировать в соответствии с этим свои действия. Политическое маневрирование превратилось в наши дни в балансирование между способностью капитала быстро сняться с места и способностью местных властей "притормаживать" его, причем именно локальные институты все более ощущают, что они ведут войну, из которой не могут выйти победителями. Правительству, стремящемуся обеспечить благосостояние своих избирателей, не остается ничего иного, кроме как умолять либо лестью склонять (но не вынуждать) капитал течь страну, и, если он оказался там, строить небоскребы для офисов, а не снимать гостиничные номера. В свою очередь, этого можно добиться или сделать такую попытку, лишь "создавая лучшие условия для свободного предпринимательства", то есть адаптируя политическую игру к "правилам свободного предпринимательства"; применяя все имеющиеся в распоряжении правительства возможности регулирования для доказательства того, что они не будут использованы в целях ограничения свободы капитала; воздерживаясь от любого шага, который может создать впечатление, будто территория, политически управляемая данным правительством, невосприимчива к предпочтениям, привычной практике и ожиданиям капитала, к его глобальному мышлению и глобальному размаху действий либо менее восприимчива к ним, чем земли, находящиеся под управлением ближайших соседей. На деле это предполагает низкие налоги, немногочисленность либо полное отсутствие правил и, прежде всего, "гибкий рынок труда". В более общем смысле это указывает на кроткое население, неспособное и нежелающее оказывать организованное сопротивление любым решениям, какие только может принять капитал. Парадоксально, но правительства могут надеяться удержать капитал на месте, лишь развеяв все его сомнения в том, что он свободен в своих движениях, сопровождаемых мимолетным уведомлением или вовсе не требующим такового.

Избавившись от лишнего груза громоздкого оборудования и многочисленного персонала, капитал путешествует налегке, не более чем с ручной кладью: портфелем, портативным компьютером и сотовым телефоном. Это новое качество легучести сделало [долгосрочные] соглашения излишними и одновременно неразумными: они могут затруднять передвижение, тем самым сдерживая конкурентоспособность и ограничивая возможности повышения производительности. Фондовые биржи и директоры компаний во всем мире готовы позитивно реагировать на любой шаг "в нужном направлении", такой, как сокращение штата или разукрупнение фирмы, и мгновенно наказывать за всякую новость о росте занятости и втягивании компании в дорогостоящие долгосрочные проекты. Высокая квалификация в деле "артистического исчезновения" на манер Гудини, стратегия выталкивания и уклонения, готовность и способность исчезнуть в случае необходимости - все это, являющееся основой новой политики разьединения и необязательности, становится в наши дни свидетельством управленческой мудрости и успеха. Как давно уже заметил Мишель Крозье, свобода от неудобных уз, неловких обязательств и сдерживающих движение зависимостей всегда была действенным и излюбленным орудием господства; но поставка таких орудий и обеспечение возможности их применения ныне похожи на раздачу пособий, более нерегулярную, чем когда-либо в истории. Скорость передвижения в наши дни

стала важным, а возможно, и определяющим фактором социальной стратификации и иерархии.

Главным источником прибылей - в особенности крупных, причем даже для капитала завтрашнего дня - во все большей мере становятся идеи, а не материальные предметы. Идея подается лишь один раз, после чего начинает приносить доходы в зависимости от количества людей, выступающих в качестве покупателей, клиентов или потребителей, а не от того их количества, которое занято в воспроизводстве прототипа. Когда ставится задача сделать идеи прибыльными, конкурентная борьба идет за потребителей, а не за производителей. Не удивительно, что современный капитал стремится устанавливать связи прежде всего с потребителями. Только в этой области рассуждения о "взаимной зависимости" не лишены смысла. В своих конкурентоспособности, эффективности и прибыльности капитал зависит от потребителей, и маршруты его передвижений ориентируются на наличие или отсутствие потребителей либо же на возможность их "создания" посредством генерирования и насыщения спроса на предлагаемые идеи. При планировании передвижений капитала и определении мест его размещения наличие рабочей силы является в лучшем случае лишь второстепенным соображением. Тем самым "сдерживающее влияние", оказываемое рабочей силой на капитал и, более обобщенно, на условия найма и наличие рабочих мест, значительно сократилось.

Роберт Райч предлагает условно разделить людей, занятых сегодня экономической деятельностью, на четыре широких категории [8]. "Символические манипуляторы", т.е. люди, выдумывающие идеи и способы превращения их в нечто полезное и пользующееся спросом, составляют первую категорию. Те, кто занят в воспроизводстве рабочей силы (работники сферы образования или функционеры государства благосостояния) относятся ко второй категории. В третью входят люди, занятые в сфере "личных услуг" (в тех видах деятельности, которые были охарактеризованы Джоном О'Нилом как "тонкое ремесло"), где требуется персональный контакт с получателями услуг: торговцы теми или иными товарами и создатели спроса на них составляют основную часть этой категории. И, наконец, к четвертой категории принадлежат люди, за последние полтора столетия сформировавшие "социальный субстрат" рабочего движения. Это, в терминологии Райча, "рутинные работники", привязанные к сборочному конвейеру либо, на более современных предприятиях, к компьютерным сетям и электронным автоматизированным устройствам, вроде образующих системы контроля. Именно эти люди, способные к максимальной численной экспансии, оказываются легко доступными и взаимозаменяемыми элементами экономической системы. Предъявляемые к ним требования не предполагают ни каких-либо особых навыков, ни искусства общения с клиентами, и именно поэтому таких людей легче всего заменить, именно поэтому их возможность торговаться (если она вообще имеется) носит остаточный, притом ничтожный характер. Они понимают, что вполне заменимы, и потому видят мало смысла в каком-то прочном привязывании себя к рабочему месту, в обременении себя какими-либо обязательствами и вступлении в тесные связи с сослуживцами. Они вообще склонны с подозрением отнестись ко всякой верности рабочему месту или увязыванию своих жизненных целей с его возможным будущим.

Ален Пейрефитт в своем ретроспективном исследовании капиталистического общества, свойственного эпохе модернити, как общества "принудительного и безумного развития" [9] приходит к выводу, что самой важной, по сути, конституирующей чертой такого общества была уверенность: уверенность в себе, в других людях, в общественных институтах. Все три составные части такой уверенности были незаменимы - они обуславливали друг друга: если убрать одну, две другие испытают чрезмерное напряжение и разрушатся. Вся современную политическую суету можно описать как непрерывные попытки заложить институциональные основы для такой уверенности: попытки создать устойчивые условия для возникновения доверия, укрепить веру в то, что лелеемые ныне ценности будут и впредь лелеемыми и желанными, что правила их обретения и следования им будут по-прежнему соблюдаться, оставаясь и в будущем непререкаемыми и невосприимчивыми к течению времени.

Лишь в координатах "предприятие-занятость" Пейрефитт видит поле, наиболее подходящее для посева и взращивания доверия. Тот факт, что капиталистическое предприятие является также очагом конфликтов и противостояний, не должен вводить нас в заблуждение: нет defiance без confidence, нет состязания без доверия. Если служащие боролись за свои права, то только потому, что были уверены в прочности тех рамок, в которые, как они надеялись и хотели, эти права будут вписаны; они верили в предприятие как вместилище своих прав, не сомневаясь в их сохранности. Сегодня ситуация уже не такова или, по крайней мере, быстро перестает быть таковой. Ни один разумный человек не предполагает провести всю свою трудовую жизнь, либо даже значительную ее часть, в одной компании. Самые дальновидные люди предпочтут вручить свои сбережения печально известным своей рискованностью инвестиционным и страховым компаниям, играющим на бирже, а не рассчитывать на пенсию по старости, которую может предоставить им компания, где они трудятся в данный момент. Как недавно подытожил Найджел Трифт, "весьма затруднительно формировать климат доверия в организациях, которые постоянно пребывают в состоянии 'упадка', 'разукрупнения' и 'перестройки'" [10].

Пьер Бурдьё обнаруживает связь между крахом доверия, с одной стороны, и угасанием тяги к политическим объединениям и коллективным действиям, с другой [11]: способность прогнозировать будущее, полагает он, есть обязательное условие любых "преобразовательских" идей, равно как и всех попыток пересмотреть и изменить нынешнее положение дел, но прогнозы на будущее вряд ли могут быть достоверными в устах людей, неспособных управиться со своим настоящим. Такого доверия особенно недостает тем, кто может быть отнесен к четвертой категории в классификации Райча. Придавленные к земле, обездвиженные, не пытающиеся сменить место жительства или хватаемые на ближайшей границе они априори находятся в невыгодном положении по сравнению со свободным перемещающимся капиталом. Последний все более глобализируется; они же остаются локализованными. По этой причине они обезоружены и беззащитны перед неведомыми напастями, исходящими от таинственных "инвесторов" и "акционеров", а также еще менее понятных "рыночных сил", "условий торговли" и "потребностей конкурентной борьбы". Все, что они приобретают сегодня, может быть завтра же отнято без предупреждения. Они не могут победить. В такой ситуации, будучи или стремясь быть разумными людьми, они не хотят подвергать себя риску борьбы. Они едва ли превратят свои жалобы в политическую проблему и обратятся к властям пререкающимся за компенсацией. Как предсказывал несколько лет назад Жак Аттали, "завтра власть будет заключаться в возможности блокировать либо облегчить передвижение по определенным маршрутам. Государство перестанет осуществлять свои полномочия иначе, чем через контроль над сетевыми структурами. И в этом случае невозможность [полного]контроля над всеми сетями необратимо ослабит политические институты" [12].

Переход от "тяжелой", или "твердой", к "легкой", или "растекающейся", модернизи определяет пределы, в которые заключена история рабочего движения. Он также серьезно помогает осмыслить пресловутые "витки" истории. Не будет ни разумным, ни полезным объяснять те крайности, в которые ударилось рабочее движение повсюду в развитой (в смысле "модернизации") части мира, ссылками на перемены в настроениях общества, произошедшие либо благодаря дурманящему влиянию средств массовой информации, либо заговору рекламодателей, либо соблазнительной притягательности общества потребления, либо усыпляющим эффектам театрално-развлекательного общества. Возложение вины на ошибавшихся или двуличных лейбористских политиков также не поможет. Все, что связано с такого рода объяснениями, отнюдь не представляется игрой воображения, но все это не идет ни в какое сравнение с тем фактом, что само содержание жизни и социальная среда, в которой люди (редко, если вообще когда-либо, по собственному выбору) решают свои жизненные проблемы, радикально изменились с тех пор, как толпы рабочих, собранные на фабриках, сплотили ряды ради обеспечения более гуманных и выгодных условий продажи своего

труда, а теоретики и практики рабочего движения почувствовали в этой рабочей солидарности зачаточную, но врожденную жажду "хорошего" общества, которое способно воплотить в жизнь универсальные принципы справедливости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bairoch P.* Economics and World History. Myths and Paradoxes. L., 1993.
2. *Cohen D.* Richesse du monde, pauvreté des nations. P., 1998. P. 31.
3. *Polanyi K.* The Great Transformation. Boston, 1957. Pp. 56-57 and ch. 6.
4. Chicago Tribune, 1916. May 25.
5. *Sennett R.* The Corrosion of Character: The Personal Consequences of Work in the New Capitalism. N. Y., 1998. Pp. 42-43.
6. *Geert van der Laan.* Social work and social policy in the Netherlands (лекция, прочитанная в ходе диалога "Восток-Запад" по вопросу общественного труда. Дрезден, 1998).
7. *Sennett R.* Op. cit. P. 24.
8. *Reich R.* The Work of Nations. N. Y., 1991.
9. *Peyrefitte A.* La société de confiance. Essai sur les origines du développement. P., 1998. Pp. 514—516.
10. *Thrift N.* The rise of soft capitalism // Cultural Values. 1997. April. P. 52.
11. *Bourdieu P.* Contre-feux. Propos pour servir à la résistance contre l'invasion néo-libérale. P., 1998. P. 97.
12. *Attali J.* Chemins de sagesse. Traité du labyrinthe. P., 1996. P. 84.